

ТРИ ГОДА В ОККУПИРОВАННОЙ ДЕРЕВНЕ

Розов Д. В., студент 3-го курса факультета информационных технологий и робототехники БНТУ

Научный руководитель – профессор кафедры «Социальное управление» Семенова Л. Н.

Зачастую в подобных произведениях описывают настоящих героев и их многочисленные подвиги. Однако в моем мне хотелось бы рассказать о войне не со стороны непосредственных ее участников и ветеранов, а о жизни простых сельских людей в оккупированной деревне. Речь пойдет о моей прабабушке, Мацкевич Нине Васильевне.

Она родилась 30 октября 1920 года в деревне Юрьево Смоленвичского района, которая была захвачена немцами уже в июне 1941-го года и находилась под оккупацией более трех лет. К этому моменту Нина Васильевна уже два года была замужем за Мацкевичем Петром Антоновичем, с которым у них в 1940-ом родилась дочка Лива.

Далее повествование я продолжу от лица прабабушки.

«Летом 41-го немцы вошли в деревню. До этого со стороны Мгле и Прудыща [соседних деревень] несколько дней стреляли. Выстрелы и взрывы не прекращались порой часами. А потом вдруг все стихло и уже на следующий день мы заметили солдат. Страшно было, но что же делать. Нужно как-то жить дальше.

Сразу же они пошли по домам, забирая все ценное и съестное. Откуда-то слышались выстрелы, детские крики и женский плач: видимо, жители не хотели сдаваться. Мы же успели спрятать хоть немного картошки и пшеницы под половые доски в бане. Весь наш скот забрали, оставили только одну козу. Старая была, вот и не взяли. Лива постоянно плакала: хотела кушать. А что я могла ей дать? По чуть-чуть молоком козьим кормила, чтобы не умерла с голоду.

Сами же почти не ели. Повезло хоть, что колодец до войны сделали. Он один на несколько домов был, поэтому соседи постоянно приходили за водой. Страшно было. Вдруг немцам не понравится что-то. У них разговор был короткий: пуля в лоб, и все на этом. Но не отказывать же людям.

И так продолжалось долго. Деревня не слишком большая тогда была, так что много солдат там обычно не находилось. Первое время они особо не зверствовали, однако все равно все жили в страхе не дожить до следующего дня...

В 42-ом у нас родилась вторая дочка – Валя. Очень больная была, да и к тому же кормить было нечем. Долго она не прожила, через полгода мы ее похоронили. Горько было, но что уже поделать. Нужно было жить дальше и растить Ливу.

А на кладбище тогда что ни день, то свежая могила. Многие люди евреев у себя дома прятали. А немцы если находили, сразу всех к стенке, чтобы другим неповадно было. К постоянным выстрелам мы уже привыкли. К нам, благо, никто в дом не просился. Он на горке стоял новый совсем. Вернее, не совсем новый. Он в двух километрах отсюда был, а как мы с Петром поженились, его братья помогли нам его на эту горку перевезти. Тут и собрали. Вот и казался новым. Может быть, поэтому немцы часто и заходили. Так что люди у нас прятаться не рисковали...

В 43-м в наш район направили партизанский отряд «Смерть фашизму». Они в лесах прятались, ночью иногда приходили за провизией. Один раз в полночь в окно постучали, хлеба попросили. Страшно было: немцы за помощь партизанам вешали и расстреливали. А нас в доме восемь человек жило: мы с Ливой и соседи, у которых дома забрали, с детьми. Дали, что было, лишь бы только их не заметили. Петр осенью к партизанам прибился. Так всю войну и прошел. Немцы тогда совсем нас жалеть перестали. Стреляли и женщин, и детей за любую провинность. А мужики почти все в лес ушли и в отряд вступили. Все хозяйство на нас, а тут еще и постоянные допросы, где партизаны.

Тяжело было: самим бы с Ливой прокормиться, а тут еще и немцы забирают все, да и партизанам нужно какой-то паек дать. Один раз и ту козу уже забрать хотели, но как детей увидели, оставили. Соседка пришла, Надя. Совсем ей уже плохо было. Умоляла хоть что-нибудь ей дать. Жалко стало, набрала ей кружку зерна из последних запасов, что не нашли. До самой смерти вспоминала мне тот момент, плакала и благодарила. Страшное время было. Не понимали, что будет завтра: или с голоду помрем, или немцы помогут...

В 44-ом совсем тяжело стало. Наши немцев погнали, а те в свою очередь начали за собой все уничтожать. Немало деревень уже сожгли вместе с жителями, пришел и наш черед. А весной у меня родилась Мая [третья дочка]. Хоть и разруха вокруг, но родилась здоровой. Все говорили с моста ее сбросить, чтоб не мучались ни я, ни она. Но как же своего ребенка и вот так?

Совсем рядом были уже стрельба и канонады. Утром приехали несколько грузовиков, человек по десять в каждом. Начали людей выгонять с домов и сразу же расстреливать. Мы с соседями в лес и убежали. Несколько дней там сидели. Есть хотелось до безумия. Питьевой воды не было, приходилось выжимать влагу из мха. Дети плакали, приходилось рты затыкать. Немцы в болота не лезли, но в нашу сторону постоянно стреляли.

Как стрельба утихла, мы вернулись в деревню. А вернее в то, что от нее осталось. А осталось сплошное пепелище. Некоторые дома еще догорали. И остались нетронутыми только два дома: наш и дом Оли, сестры Петра. Тут мы заметили, что горит и мост. Женщины сразу побежали его тушить, он для деревни очень важным был. А на том берегу немцы с пулеметами засели и убивали всех, кто к нему подходил. И сидели там, пока мост не догорел до конца.

А когда мы в лес убегали, я в суматохе той потеряла Маю. Искала везде, но так и не нашла. Уже и отчаялась. Но как только вернулись в деревню, встретила Надю. У нее в руках сверток был, а в нем моя Мая! Плакала громко, хотела кушать. Коза много молока не давала, но хоть чуть-чуть. Покормила доченьку, та и успокоилась.

А там и наши подошли. Им приказали новый мост строить через реку. Для моста бревна нужны, а лес далеко. Хотели уже дом Оли разбирать, но она в слезах их уговорила разобрать баню. Хорошая баня была, раз сваи и до сих пор стоят.

Петр вернулся домой, и вместе мы начали восстанавливать хозяйство и растить дочек.

Страшное дело это – жить во время войны. Ломает она людей. Три года в страхе, голоде, холоде, грязи. Очень жалею я своих дочек, что они уже с детства в

этом всем. Радует только, что выжили. А теперь вон какими стали! Значит не зря я тогда не отчаивалась и продолжала бороться за жизнь...»

Фото 1. Мацкевич Нина Васильевна в свой 96-й день рождения

Нина Васильевна дожила до глубокой старости, будучи в добром здравии. Всю жизнь у нее было хозяйство: держала корову, свиней, кур, обрабатывала около гектара земли, воспитывала детей. Никогда не унывала, всегда улыбалась. Жалела только о том, что не получила образование, ибо всю жизнь мечтала стать прокурором. За свою жизнь она воспитала пять детей, девять внуков, двенадцать правнуков и даже одного праправнука. На каждого внука она оформила сберкнижку, куда и откладывала всю пенсию. Всю жизнь она отдавала любовь и заботу своим родным и близким, не жалея себя.

Нина Васильевна Мацкевич умерла в своем родном доме 17 августа 2017 года на 97-ом году жизни. Ее жизнь была очень тяжелой и сложной, однако никакие обстоятельства и преграды не смогли сломить ее характер. Она много чего

рассказывала мне, и меня всегда удивляли ее стойкость и жизнелюбие. Я очень горжусь тем, что в моем семейном древе есть такой человек, который может и должен стать примером для многих.

СЛЕД ВОЙНЫ

Пинигина А. В., студентка 4 курса приборостроительного факультета БНТУ

Научный руководитель – доцент кафедры «История» Сервачинский И. Ю.

Впервые о войне мы узнаем от родителей в преддверии праздника 9 мая, праздника Победы. Нам рассказывают о великом подвиге советского народа, о том, что никто не должен быть забыт, ничто не должно быть забыто. Затем мы узнаем о войне на уроках истории в школе.

Война оставила отпечаток на семьях и жизни каждого. Мне бы хотелось рассказать историю от своего имени, но я не смогу сделать это так, как сделала моя прабабушка – Хорова Надежда Васильевна. Все рассказанное здесь написано на основании ее воспоминаний.